

06.05.2010

Сержант с косами

Татьяна Винарская

Досье «ТН»

Евгения Сергеевна Коготкова, кандидат экономических наук, доцент ТПУ. Работала ассистентом, старшим преподавателем на кафедре политэкономии. В настоящее время — методист кабинета курсового и дипломного проектирования кафедры экономики инженерно-экономического факультета. Ветеран Великой Отечественной войны, старший сержант медицинской службы.

В феврале 1942 года, окончив ускоренные курсы РОКК (районное отделение Красного Креста), после девятого класса средней школы города Солнечногорска (60 км от Москвы) добровольцем ушла в действующую армию. Участвовала в разгроме фашистов под Москвой, освобождении Калининской, Смоленской, Витебской областей, Латвии, Литвы, Польши, взятии Кенигсберга. В мае 1945-го в составе 17-й Гвардейской стрелковой дивизии была направлена на Восток, в Маньчжурию. Демобилизовалась в ноябре 1945 года. В 1951-м окончила экономический факультет МГУ и взяла направление в Томск.

Награждена орденами Отечественной войны II степени, Красной Звезды, медалью «За боевые заслуги», юбилейными медалями.

Проявила настойчивость

Жене едва исполнилось 17, когда был объявлен набор в медсанбат формирующейся в Солнечногорске 134-й стрелковой дивизии. Она подала заявление, будучи уверенной, что уж ее-то, окончившую курсы РОКК, непременно возьмут. Какое там! На

12 мест оказалось почти две сотни добровольцев. Однако райком комсомола ее все-таки утвердил. А когда эта пигалица с длинными косами пришла в медсанбат, брать ее категорически отказались: слишком маленькая для фронта. На следующий день она снова пришла. И на третий тоже. Женину судьбу решил комиссар дивизии, приказавший взять настойчивую девчонку. При этом сделал оговорку: «В порядке исключения». И пожелал: «Только косы не стриги».

Девчонки мечтали о нарядах

Свои знаменитые косы Женя пронесла через всю войну, хотя это было очень хлопотно. Ну вот, скажем, повезли их в теплушках из Солнечногорска на Калининский фронт. Из-за постоянных бомбежек ехали долго, часто останавливались. Чтобы не подхватить насекомых (бич военного быта!), попросила у машиниста горячей воды и с помощью подруги попыталась помыть голову. Зима. Собачий холод. Сверху на волосы льется кипяток, внизу висят сосульки... А потом состав вообще разбомбили, до передовой добирались пешком. Сверху фашистские самолеты, снизу снежное месиво. Какие прически? Выжить бы! А полевые операционные? Днем немцы методично бомбили, оперировать раненых можно было только по ночам. Врачи и медсестры хронически недосыпали, валились с ног от усталости. Однажды Жене разрешили вздремнуть 15 минут. Сквозь сон она услышала голос командира: «Эта голова Коготковой». Ошибиться было невозможно: косы в медсанбате носила только Женя. Оказалось, что утром из полка прибыла новая врач. Она не успела доложить о своем прибытии, как началась бомбежка. Ее убило... «Жили известными, умирали неизвестными», — печально констатирует Евгения Сергеевна. И все же, все же... Несмотря на кровавую мясорубку первых двух лет пребывания на фронте, голод и смертельную опасность, Женя сумела и косы сохранить, и к амуниции гигантских размеров приспособиться. Война войной, а девчонкам хотелось выглядеть красивыми.

Через минное поле

Однажды после отправки раненых с передовой Жене пришлось одной возвращаться в часть. Лес. Ночь. Темнота. Вдруг видит: что-то белеет. Оказалось, фашистское кладбище (немцам нравилось хоронить своих под белыми березками). С перепугу прыгнула через ров. Обернулась, посветила фонариком. Батюшки: все усыпано минами! Ноги от страха подкосились. Но заставила себя встать и вслепую пойти дальше. Когда наткнулась на своих регулировщиков, те встретили бранью: «Ты же по минному полю шла!». То ли ангел-хранитель ее оберегал, то ли интуиция помогала, но из подобных передряг она всегда выходила невредимой. Сама же Евгения Сергеевна «минный» эпизод объясняет просто: «Это же были противотанковые мины. А я ведь не танк!».

Урок милосердия

После одного из боев наши временно отступили. На стороне противника остались 16 девушек-сибирячек из медсанбата. Фашисты устроили над ними садистскую расправу: отрезали носы и уши, выкололи глаза. Узнав об этом, командир взвода запретила Коготковой вводить противостолбнячную сыворотку немцу, попавшему в

плен с переломом голени. Но раненый немец все просил и просил Женю сделать ему инъекцию: «Швестер, швестер...» («сестра, сестра»). Он даже сумел спуститься с нар и продолжал умолять. Женя не выдержала и поставила укол. «Так война учила нас милосердию», — говорит сегодня Евгения Сергеевна.

Баллада о красках

Войну Евгения вспоминает в трех красках: красной, черной и белой. Красная – это кровь. Сама она, кстати, впервые увидев окровавленного бойца, упала в обморок. Это было в районной больнице, где слушательница курсов РОКК Коготкова проходила практику. Хирург тогда закричала: «Столько раненых, а тут еще со слабонервными возись!». После этого случая Женя дала себе клятву не бояться крови и сдержала ее. Черная краска – это пепелища, оставленные немцами на месте деревень. А белая – седые волосы. Фашисты использовали тактику выжженной земли: преследовали на бомбардировщиках не только эшелоны и колонны, но и отдельных солдат. Случай, запечатлевшийся в Жениной памяти на всю жизнь: медсестра несла из штаба пакет, вдруг налетел «Мессер», девушка спряталась за дерево, а самолет кружил и стрелял до тех пор, пока сестричка не упала. Летчик, видимо, решил, что убил девушку. А девчонка просто потеряла сознание. К своим она пришла с абсолютно белой головой. Зловещий триколор войны до сих пор приводит Евгению Сергеевну в дрожь. И хотя ближе к Победе мир вокруг стал более многоцветным и даже раскрасился яркими праздничными салютами и счастливой встречей с будущим мужем Андреем Лахотюком, фронтовые годы все равно вспоминаются ей в красно-черно-белых тонах. Впрочем, в мае 45-го война для Евгении Коготковой не закончилась. Вместе с сослуживцами она отправилась через всю страну на Восток, в Маньчжурию. А там их ждали не менее кровопролитные бои с японцами...